

УДК 94(571.1) «1928/1940»

МАТЕРИАЛЬНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ И ГРАЖДАНСКАЯ ИНИЦИАТИВА СИБИРСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ ПЛАНОВОГО ХОЗЯЙСТВА

Левина Ж. Е.

ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет» Минобрнауки России, Омск, Россия (644099, наб. им. Тухачевского, 14) levina1@yandex.ru

На основе историко-антропологического подхода в рамках социально-исторического направления, с использованием обширного архивного материала, выделены способы взаимодействия социальных структур, с одной стороны, художественной интеллигенции, с другой, – в развивающейся общественной системе и изменяющейся культурной среде. Выявлены особенности структуры деятельности сибирского художественного сообщества. Показано, что важнейшей объединяющей характеристикой художественной интеллигенции было стремление сохранить художественное творчество в качестве профессиональной деятельности, востребованной и необходимой обществу. В результате выработались особые способы и формы деятельности и существования художественной интеллигенции, основной чертой которых являлись позитивность и реальность. Толерантность и конформизм были направлены на самосохранение художественной интеллигенции. В результате соединения собственных интересов, потребностей художественной интеллигенции и требований государства и общества основной вклад сибирская художественная интеллигенция внесла в создание, сохранение, развитие, распространение художественной культуры в целом и ее отдельных элементов.

Ключевые слова: гражданская инициатива, интеллигенция, социальная предприимчивость, потребности, самореализация, материальные ценности.

MATERIAL NEEDS AND CIVIC INITIATIVE OF SIBERIAN ARTISTIC INTELLIGENTSIA IN THE CONTEXT OF PLANNED ECONOMICS

Levina Zh. E.

Federal State-Funded Educational Institution of Highest Vocational Education “Omsk State Pedagogical University” of Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Omsk, Russia (644099, Naberezhnaya Tukhachevskogo, 14).

Means of communication of the social patterns and the artistic intelligentsia in developing social system and changeable culture medium were pointed out with using extensive archival material on the basis of historical and anthropological approach within the social and historical trends. There were determined the structural features of activity of Siberian artistic community. It is shown that the most important unifying characteristic of the artistic intelligentsia was the tendency to preserve artistic creativity as the professional activities, popular and necessary to society. As a result of this, knacks and forms of activity and existence of the artistic intelligentsia were developed; their main feature is positivity and reality. Tolerance and conformity were aimed at self-preservation of the artistic intelligentsia. As a result of connection of personal interests, needs of the artistic intelligentsia and demands of the state and society, Siberian artistic intelligentsia made main contribution in preservation and expansion of artistic culture in whole and its disconnected elements.

Key words: civic initiative, intelligentsia, social enterprise, needs, self-actualization, valuable effects.

Введение

Теоретическое понимание интеллигенции как ключевого звена в происходящих социальных изменениях наглядно иллюстрируется практикой последних политических кампаний и общественных событий в России и за рубежом. Художественная интеллигенция, по-прежнему, оказывает огромное влияние и на образованные слои общества, и на формирование массового сознания. В этой связи активизируется изучение исторически сложившихся форм и методов социальной предприимчивости российской дореволюционной интеллигенции в политической области или просветительской сфере. Проблеме

профессионального сохранения и самореализации, рассматриваемой в качестве высшей «метапотребности» человека (А. Маслоу), внимания уделяется меньше. Между тем, само существование и деятельность провинциальной художественной интеллигенции в первые десятилетия советской власти является интереснейшим опытом реализации всего существующего спектра потребностей. Целью исследования является выявление основных форм общественной активности, направленных на самосохранение и творческую реализацию сибирской художественной интеллигенции, в условиях планового хозяйства советского общества. Историко-антропологический подход в рамках социально-исторического направления позволяет сфокусировать внимание не только на социальных структурах или на человеческом сознании и поведении, но выявляет способ взаимодействия тех и других в развивающейся общественной системе и в изменяющейся культурной среде, которая эту систему оправдывает и поддерживает. Многомерность объекта исследования определяет комплексный подход в формировании источниковедческой основы. Особое внимание уделяется введению в научный оборот данных ранее не использовавшихся архивных фондов.

В конце 1920-х годов художественная интеллигенция Сибири вплотную столкнулась с проблемой невостребованности. Заработная плата «лиц художественного труда» находилась, по компетентному заключению представителей ЦК РАБИС, «как ни странно в условиях советской действительности в зависимости от спроса и предложения на художественном рынке» [2, с. 23]. Заказчиками, в силу известных причин, могли быть только государственные или общественные организации. В условиях скудного финансирования или полного отсутствия такового представители юридических лиц в провинции старались использовать возможности творческой интеллигенции, по возможности, «на общественных началах», ничего не оплачивая. В тех случаях, когда вознаграждение за труд все-таки предусматривалось, размеры его были мизерными. На съезде художников в 1927 году отмечалось, что «из-за куска хлеба цены сбивались до смешных размеров». Показательным является случай, когда одно государственное учреждение предложило группе молодых художников сделать надпись, состоящую из нескольких слов, каждое из которых оценивалось в копейку. Материал художникам не оплачивался. Художники подсчитали, что только затраты на эту работу составят сумму большую, чем весь предполагаемый гонорар [1, с. 6].

Государственные заказы бывали крайне редко. Получить их могли единицы. В 1928 году музей Революции СССР приглашал художников страны принять участие в подготовке выставки «Революция и культура». Для выставки планировалось заказать 240 картин, заплатив 525 руб. за каждую. За каждую из 30 скульптур, которые предполагалось приобрести, намечалось заплатить по 1000 руб. Заказы оформлялись на основании

представленных и одобренных эскизов. Репродукции картин собирались распространить по стране миллионными тиражами [8, л. 102–102].

Большинство художников, пытавшихся в конце 1920-х годов сохранить профессию и заниматься серьезным творчеством, находились в крайне бедственном положении. Один из томских художников продал самовар, чтобы закупить живописные материалы. Другой использовал пособие (20 руб.), полученное от общества «Новая Сибирь», для того чтобы закончить свою работу [1, с. 7].

Главной причиной создавшегося положения был даже не недостаток средств, а непонимание искусства как ценности. В 1920-е годы музейными ценностями расплачивались с сотрудниками. В начале 1930-х годов сложилась практика своеобразного безвозмездного «проката» или «аренды» картин из Государственного Западно-Сибирского музея. Картины выдавались в учреждения на основе письменного заявления примерно следующего содержания: «Просьба отпустить для временного пользования для закрытого Дома отдыха Омгорсовета художественных картин в рамках разных штук 10». В сентябре 1933 года картины выдавались в Чернолученский Дом отдыха, Горплан, аэроклуб, Дом работников просвещения, призывной пункт.

С 1933 года постепенно возвращается понимание истинной ценности искусства, о чем свидетельствует, в частности, данные о кражах из музея, которые до этого не фиксировались в документах. В 1933 году в числе похищенных ценностей значились работы Коровина «Тифлис», Шишкина «Полевые цветы». В этом же году специальным распоряжением Наркомпроса были категорически запрещены какие-либо выдачи музейных экспонатов. В сознании людей, не имевших отношения к искусству, музей ассоциировался, прежде всего, с относительно высоким уровнем бытовой культуры и соблюдением элементарных санитарно-гигиенических норм. Посетители музея оставляли в книге отзывов следующие записи: «Чистота, тишина. Очень прекрасный музей». (1937 г.) [10, л. 1, 2, 35, 57].

Представления части чиновников о роли и значении искусства почти не отличались от обывательского уровня. Н. Сверчков, занимавший в начале 1930-х годов должность директора художественно-промышленного училища, в своей книге воспроизвел эпизоды повседневной работы, демонстрирующие сугубо практические оценки искусства, бытовавшие в административной среде: «Однажды рассматривался вопрос об оказании помощи музыкальному училищу, ютившемуся в непригодном помещении. Встал заведующий коммунальным отделом горсовета и сказал, что вопрос надо решить просто: училище закрыть, ни к чему пролетариям эта барская роскошь, есть граммофон, поставим пластинку – вот и вся музыка. В другой раз этот горе-заведующий напал на наше училище,

дескать, баловство здесь одно, петушков лепят, ничего полезного для революции не делают, училище надо распустить, а помещение отобрать» [3, с. 55].

Относительной удачей была работа, позволяющая в определенной мере реализовать профессиональные навыки и творческие потенции. К таким видам деятельности относилась преподавание в художественных учебных заведениях, вузах, техникумах, школах, работа на радио, в музее, клубах, рекламном агентстве, издательствах. Педагогической деятельностью, например, занимались 70 % членов омского филиала общества «Новая Сибирь».

Художники, работавшие на производстве, особенно связанном с транспортом, обороной, имели, видимо, меньше возможностей для творческой самореализации в процессе непосредственной трудовой деятельности, но были лучше обеспечены и зачастую имели больше сил и средств для участия в художественной жизни, повышении профессионального мастерства и, в конечном счете, карьерном росте. В отчете омского филиала АХР за 1930 год подчеркивалось, что основной состав «работает на ответственных руководящих работах не по специальности, остальные художники на производствах и педагогической работе» [9, л. 6, 8].

Распространенной практикой являлось совместительство. Многим художникам приходилось работать одновременно в нескольких учебных заведениях. Музыканты по совместительству трудились на радио [7, л. 13]. Распространено было внутреннее совместительство. До 1935 года при томском музыкальном училище существовал симфонический оркестр. Работа этого коллектива позволяла увеличить зарплату педагогам [10, л. 241]. В 1936 году преподаватели музыкального техникума вели одновременно по 3–4 предмета [5, л. 1].

Ухудшала положение сложившаяся практика задержки выплаты заработной платы. Сложное материальное положение, отсутствие социальных гарантий, безработица заставляли представителей творческой интеллигенции искать и создавать для себя формы занятости.

При создании новых рабочих мест активную роль играли объединения безработных. Безработных баянистов посылали вместе с кинопередвижками, некоторые музыканты соглашались работать в чайных, открытых в рабочих районах. Организовывались новые творческие коллективы на базе групп безработных работников искусств. Безработные актеры драмы г. Новосибирска постановили считать группу актеров, присутствовавших на организационном собрании, основным ядром нового коллектива и приступили к подготовке пьес. С помощью Сибкрайрбиса были заключены договоры с Бийским, Рубцовским, Барнаульским УТЗП, где не было своих трупп. Был организован общественный контроль из безработных за формированием трупп. В 1928–1929 году подобным образом сформировались коллективы драматических и музыкальных актеров в Новосибирске,

симфонический оркестр в составе 14 человек, духовой – из 13 музыкантов. При участии посреднического бюро РАБИСа был организован оркестр из безработных музыкантов для Иркутского цирка [5, л. 10].

В конце 1920-х годов продолжала существовать такая традиционная форма сбора средств как тематические вечера. В начале 1928 года томское общество художников самоучек (ОХС) считало «нужным изыскать средства путем вечера» [9, л. 23]. Студенты омского музыкального техникума получили «от постановки вечера» совместно со студентами медицинского института 500 руб. Президиум Омского окружного исполнительного комитета в апреле того же года постановил, что студенты должны «изыскивать» средства для своих нужд «с привлечением общественной инициативы (постановки, вечера и др.)» В 1929 году комиссия помощи пролетарскому студенчеству при Омском городском Совете решила «использовать инициативу студентов вузов и техникумов по изысканию средств путем устройств платных вечеров, лекций, диспутов, лотерей и т.д.», планировалось провести специальный месячник в марте – апреле 1929 года.

Работники художественного Западно-Сибирского музея в середине 1930-х годов выполняли работы «по договору». На 1934 год планировались следующие темы: 1. Описание памятников искусства архитектуры и археологии Прииртышья (по договору с Карской экспедицией) – 500 руб. 2. Изучение архитектурных стилей в Омске – 300 руб. 3. Сбор и изучение материала по мотивам художественного творчества казахского населения Западно-Сибирского края в орнаментике – 300 руб. 4. Изучение истории сибирского искусства – 150 руб.

В 1935 году бригада сотрудников Омского Горплана «в лице представителя» Г. Р. Грассе и областное бюро краеведения заключили договор о составлении очерка г. Омска для «Справочника-сборника по г. Омску». Оплата должна была составить 450 руб. за лист в 40 000 знаков [6, л. 525, 526].

Возможности музея использовались и для обеспечения сотрудников продуктами питания. Ботанический отдел музея в 1933 году вырастил 10000 корней кочанной капусты, 9 центнеров помидоров и по 10 кг свеклы на каждого сотрудника [8, л. 5, 7, 75].

Средства омского художественно-промышленного техникума и музыкального техникума складывались из государственного и местного финансирования, сумм, полученных от хозяйственных организаций и других заинтересованных учреждений, платы за обучение, доходов от производственной деятельности [6, л. 636, 669]. В мастерских художественно-промышленного техникума исполнялись государственные и частные заказы. Вырученные средства шли на стипендии учащимся. На них закупались учебные пособия, натуральный фонд, произведения искусства народов СССР. Техникум имел возможность

содержать собственный художественный музей, в котором демонстрировались изделия прикладного искусства. Продукты для столовой производила сельскохозяйственная ферма училища [3, с. 54].

В это же время художники через прессу пытались воздействовать на общественное мнение и вкусы, стремясь создать рынок сбыта для своих работ и найти заинтересованных покупателей в лице представителей государственных учреждений. Широко освещалась и обсуждалась в прессе вторая выставка АХРР. Газета «Рабочий путь» за месяц опубликовала десять материалов, посвященных ее работе. По подсчетам устроителей, несмотря на наводнение и хлебный кризис, выставку посетило 10000 человек. Организаторы считали, что такая цифра для Омска недостаточна. Специальная комиссия отобрала работы для отдела революции Западно-Сибирского краевого музея. Выручка составила 320 руб. В 1929 году при планировании работы специально обращалось внимание на необходимость проведения «заблаговременной кампании в печати» при подготовке выставок [9, л. 3.15]. В феврале 1930 года выставка АХР была организована совместно с Западно-Сибирским государственным музеем, чему в немалой степени способствовало, видимо, «совмещение» Я. Авотиным должностей заместителя директора музея и председателя омского филиала АХР. Для того чтобы привлечь как можно больше посетителей от имени музея в школы, клубы, окружные отделы профессиональных союзов были разосланы своеобразные приглашения – «извещения», которые настаивали на «организованном посещении выставки». В газетной публикации давалась прямая установка для общественных организаций и учебных заведений: «Профсоюзы и школы не должны пройти мимо этой выставки». Невозможность бесплатного посещения объяснялась значительными средствами, затраченными на организацию выставки. Доход филиала АХР составил 50 % от суммы, вырученной при продаже входных билетов. Художники заработали за 20 дней 172 руб. 29 коп. [8, л. 5, 6].

Доходы получали как от выставочной деятельности, так и от реализации произведений. В 1931 году в Омске было продано картин на общую сумму 14 000 рублей [9, л. 11].

Художники Западно-Сибирского филиала АХР с конца 1920-х годов пытались организовать издательскую деятельность. В 1928 году председатель омского филиала обращался в президиум АХРР за консультацией по вопросу издания альбома детских рисунков. В ноябре 1929 года ставилась цель признать необходимым и довести до конца вопрос об издательстве в Омске детских книг. В 1931 году планировалось объявить внутри Западно-Сибирской организации АХР конкурс на проект детской книжки в рисунках для дошкольного воспитания. Предполагалось разработать и издать альбом, отражающий в рисунках и карикатурах социалистическое строительство. Руководство Краевого филиала

АХР в письме в сектор искусства Сибкрайсовнарпроса обосновывало необходимость издания детской литературы в Западной Сибири. По мнению сибирских художников, местное дошкольное детское воспитание было лишено иллюстрированной детской литературы. Книги для детей, продававшиеся в Сибири, издавались в основном в Москве и в провинции имелись в незначительном количестве. Главный недостаток центральных изданий видели в их содержании, не соответствующем задачам воспитания нового человека. Западносибирские художники предлагали организовать издание детской литературы по нескольким новым направлениям:

1. Интернациональное воспитание.
2. Новый быт.
3. Социалистическое строительство.
4. Коллективизация.
5. Антирелигиозное воспитание.
6. Юный натуралист.
7. За начальное и политическое обучение.
8. Коммуна.
9. Оборона СССР и наши враги.

В апреле 1931 года общее собрание членов Западно-сибирского Краевого филиала АХР приняло решение организовать изготовление плакат-эскизов цикла детских книг. На этапе предварительной подготовки работы должны были пройти общественный просмотр.

Полемика для реализации творческих возможностей и способом удовлетворения материальных потребностей должно было стать и производство детских игрушек. В числе причин, побудивших обратиться к этой отрасли, назывались низкое качество детских игрушек и их абсолютная «идеологическая невыдержанность». Собственное отношение к этому вопросу художники признали «преступно халатным». Президиуму Краевого филиала АХР поручили организовать мастерскую по выпуску «художественной идеологически и качественно выдержанной детской игрушки». Кроме того, организация заявила о своей готовности взять на себя консультацию по оформлению игрушек, производившихся в детских мастерских и при детских домах. В 1932 году ставилась задача заключить договор с издательствами Новосибирска, Ленинграда, Москвы по разработке и оформлению книг, плакатов, детских книг [9, л. 1, 13].

Издательская деятельность и переплетное дело планировались томским окружным исполнительным комитетом в феврале 1929 года в числе первых шагов для организации «производственных и коммерческих предприятий силами студенчества» [6, л. 494].

Основные усилия художников АХР в конце 1920-х – начале 1930-х годов были направлены на соединение творчества с материальным вознаграждением, т.е. на возвращение к изобразительному искусству как к профессиональной деятельности. В 1929 году в музее обсуждался вопрос об организации керамической мастерской, «целевая установка» которой состояла в популяризации среди широких масс населения «изящных и художественных форм керамики в бытовых предметах» [8, л. 106].

В 1931 году в планы филиала АХР был включен пункт, прямо ориентирующий на коммерческую деятельность. Один день в декаду художники должны были посвящать «писанию картин-пейзажей и т.д. для массового потребителя», которые собирались распространять через книгоцентр. В этом же году основным направлением деятельности стала организация производственных мастерских и кооператива. В Западно-Сибирском филиале подошли к этому вопросу со всей серьезностью. Значительные денежные затраты, необходимые для организации работы, руководители планировали получить за счет собственной коммерческой деятельности. Штатный состав ограничивался тремя работниками. Предполагалось оплачивать работу председателя, бухгалтера-кассира и делопроизводителя. На их содержание планировалось затратить 7200 руб. в год. В Центральное бюро филиалов обращались с просьбой выделить деньги только для фонда заработной платы. В числе заказчиков художественно-производственных мастерских виделись государственные учреждения, общественные организации, клубы, учебные заведения. По доступным ценам художники предлагали изготовить портреты вождей революции, знамена, плакаты, лозунги, диаграммы, декорации, художественно оформить стены в клубах и избах читальнях, красных уголках. Кроме того, выполнялись работы по декорированию зданий, внутреннему и внешнему оформлению помещений к различным кампаниям. Определенное материальное вознаграждение предполагалось, видимо, и за оформление театральных и эстрадных зрелищ. Размеры оплаты устанавливались заказчиками. Работы проверялись художественно-политическим советом из «художников-специалистов и цензуры». Помещение мастерской находилось в здании государственного Краевого Западно-Сибирского музея. Там же вели прием заказов с 10 до 18 часов. Художественно-производственные мастерские в Омске начали работу в конце декабря 1931 года – начале января 1932 года. Заказы в художественно-производственные мастерские в первый год работы поступали в большом количестве. Работа строилась по принципу хозрасчета, что позволяло дать заработок художнику и получить средства для дальнейшей деятельности филиала. От общей суммы заказов 15 % отчислялось в общую кассу филиала АХР. Художники отмечали, что сфера изобразительного искусства обретет материальную и производственную базу после организации «ИЗОГИЗА» и кооператива «Художник». На

очереди было образование производственных «изо-комбинатов». В январе 1932 года руководство краевого филиала АХР, воодушевленное первым успехом, сообщало в Москву о том, что кроме производственных мастерских «работает полным ходом» живописно-декоративная мастерская. Эту сферу деятельности планировали расширить, организовав мастерскую детской игрушки, скульптурную мастерскую и «ряд других». В марте Я. Авотин предложил организовать мастерские по производству изделий из мамонтовой кости. Ставился вопрос о необходимости открытия «магазина-выставки» для реализации художественных произведений. Самостоятельная коммерческая деятельность давала возможность организовывать выставки. В смете филиала АХР за 1931 год на эту статью расходов планировалось выделить 900 руб. в год. Оплачивались канцелярские и организационные расходы, которые в 1931 году должны были составить 420 руб. Часть полученных средств, в размере 567 руб., выделялась на шефскую работу. Центральное бюро филиалов, заслушав 18 апреля 1932 года информацию Сверчкова, постановило «приветствовать организацию мастерских» [9, л. 11, 15, 98].

В этом же месяце было создано краевое организационное бюро кооператива «Запсибхудожник» в составе 7 человек. Кооперативное товарищество объединяло художников в Новосибирске. В Омске 45 художников стали членами товарищества. Обсуждалась возможность создания филиала в Томске [5, л. 5]. Руководители АХР ставили задачу вовлечь в кооператив «Художник» 100 % своих членов. Особо подчеркивалась важность работы в кооперативе и художественно-производственных мастерских актива АХР. Намечалось «учесть» всех художников в г. Омске, работающих не по специальности. В 1933 году Западно-Сибирский филиал АХР планировал «развернуть соцсоревнование и ударничество, внедряя коллективные формы труда и хозрасчетные бригады». В 1935 году руководители товарищества отмечали большое расширение производства. Успешная деятельность товарищества позволила выделить достаточные средства для оплаты работы председателя [8, л. 153]. К концу 1937 года товарищество объединяло 39 человек. В кооперативе работало 50 «специалистов» и 13 «администраторов». В 1936 году продукции было выпущено на 538,5 тыс. руб. В 1937 году – на 707,1 тыс. руб. Спектр услуг кооператива был достаточно широк. В мастерских изготавливались и театральные кулисы, и картины на «ходовые», часто повторяющиеся сюжеты, и большие полотна с «плохих» репродукций, без заказов. Накопления товарищества в 1937 году составляли около 60 тыс. руб. В числе основных задач, стоявших перед кооперативом, было гарантирование труда и его оплаты, обеспечение «бесперебойной» работы всех членов на основе плановых поступлений заказов, повышение заработной платы художников [9, л. 3].

Руководители краевого филиала АХР подчеркивали, прежде всего, общественную значимость и политическую необходимость своей производственной деятельности. В документах Западно-Сибирского филиала неоднократно указывалось, что художественно-производственные мастерские, а затем кооператив «Художник» созданы «во исполнение решения ЦК ВКП(б) о картинно-плакатной продукции». Организованное выполнение идеологического заказа должно было плодотворно повлиять на эстетику наглядной агитации. Материальная заинтересованность художников не только не скрывалась, но и напрямую связывалась с общественно-политическими установками. Обеспеченные и материально независимые художники, по мысли местных руководителей АХР, должны были не только планомерно, но и более качественно выполнять государственный заказ. Позиция сибирских ахровцев отличалась от установки Центрального Секретариата АХР. Московские художники в 1932 году ставили задачу сделать кооператив «Художник», прежде всего, «художественной организацией, а не коммерческим предприятием». Часть местных руководителей также старались сохранить художников в качестве бесплатной рабочей силы. На совещании в омском горкоме ВКП(б) художников критиковали за коммерческую деятельность: «АХР взял неправильную установку на изготовление портретов и продажу их» [9, л. 22, 52].

Руководители АХР вели систематическую работу по обеспечению поддержки своей работы. Основное внимание было направлено на привлечение внимания и организацию содействия со стороны органов управления.

Одним из направлений в деятельности творческой интеллигенции было стремление к объединению всех сил и оказание взаимопомощи. В 1928 году томский филиал АХР и ОХС стремились «войти в переговоры» с кружком писателей, с музеем. В 1929 году руководители омского филиала АХР в числе успехов отмечали совместную работу с Западно-Сибирским Государственным Краеведческим музеем. Укреплению связи способствовала позиция директора музея, охотно предоставлявшего помещение для «всей работы АХР» [9, л. 3].

Способом решения материальных проблем являлось обращение за финансовой поддержкой в Центральное бюро филиалов АХР [9, л. 34]. В 1931 году омскому филиалу АХР планировалось передать 1000 руб. Есть сведения, что филиал получил 500 руб. В 1932 году Омску было выделено 1200 руб. Такие же суммы получили Вятский, Рязанский, Сталинградский филиалы. В два раза больше получил филиал в Коломне – 2500 руб. Самые основные ассигнования пришлись на долю ленинградцев – 8000 руб. Омский филиал обращался за ссудой в 5000 руб. на покупку дома, где могла бы разместиться АХР, однако, в Москве посчитали такие затраты нецелесообразными и рекомендовали помещение арендовать [9, л. 10, 15].

Формой помощи были социальные заказы, также распределяемые Центральным Бюро филиалов АХР. Руководители филиалов постоянно напоминали об этом в центре. В 1928 году одному из руководителей омского филиала поручено было выяснить возможность такого заказа в Москве. В 1931 году на заседании Центрального бюро филиалов АХР в Москве было решено поставить вопрос перед Центральным секретариатом и ПУРОм о предоставлении омскому филиалу, как одному из сильнейших, заказа на картину для выставки к 14-ой годовщине РККА [9, л. 2].

Общественная деятельность художников превращалась в работу. Государственный идеологический заказ обретал коммерческую форму и становился источником дохода для художников. Результаты общественной и организационной деятельности художников иллюстрируют изменения, произошедшие в формах занятости. В 1928 году художники омского филиала общества «Новая Сибирь» занимались, в основном, педагогической деятельностью. 37,5 % членов общества работали в Худпроме, 33,3 % – в других образовательных учреждениях города. В 1932 году большинство художников омского филиала АХР были заняты педагогической деятельностью – 34,4 %. Несколько меньшее число «ахровцев» были связаны с производственной сферой – 28 %. В работе первой омской областной выставки в 1937 году участвовали, в основном, художники, работавшие в кооперативе, – 29,1 % и художники, занятые на педагогической работе, – 25 %. Эти две группы составляли большинство. Число художников занятых в промышленности, обороне, железнодорожном транспорте сократилось [4, с. 5–31; 8, л. 10; 9, л. 49]. Изменение структуры занятости художников характеризует социокультурные изменения в целом. Искусство признавалось деятельностью, имевшей практическое значение. Сформировалась категория заказчиков. Художники предпочитали профессиональную деятельность «на заказ» работе не по специальности. Материальная заинтересованность являлась одним из ведущих мотивов деятельности. Сфера изобразительного искусства из общественной деятельности превратилась в профессиональную. Отношения между художниками и властью из круга соратников по борьбе переводились в деловое сотрудничество, при котором государство должно было выступать в роли заказчика, а художники – в роли исполнителя. Партнерство должно было оплачиваться. Взаимовыгодное, по возможности, сотрудничество укладывалось в простейшую схему «ты – мне, я – тебе», которая нисколько не скрывалась: «Расширенное бюро АХР одобряет постановление фракции ВКП(б) по вопросу укомплектования руководящим составом, в свою очередь просит партийные и профсоюзные организации оказать конкретную помощь в организации в Омске кооператива “Художник”».

Список литературы

1. Копылов И. Л. На перевале. – Новосибирск, 1927. –15 с.

2. Нацаренус А. Системы оплаты труда работников искусств. – М., 1930. – 50 с.
3. Сверчков Н. К. Счастье. – Чебоксары, 1976. – 150 с.
4. Первая Омская областная выставка живописи и графики 1937. Каталог. – Омск, 1937. – 31 с.
5. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 3, оп. 10, д. 1104.
6. Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 28, оп. 1, д. 168.
7. ГАОО. Ф. 38, д. 189.
8. ГАОО. Ф. 1076, оп. 1, д. 102.
9. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2941, оп. 1, д. 212. л. 6, л. 8.
10. Томский центр документации новейшей истории (ТЦДНИ). Ф. 80, оп. 1, д. 727, л. 241.

Рецензенты:

Порхунов Георгий Арсентьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, политологии, социологии ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет» Минобрнауки России, г. Омск.

Худяков Виктор Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, декан исторического факультета ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет» г. Омск.